

УДК 94:323.1:316.64(=161.3)"18/19"

Особенности развития этнонационального самосознания белорусов в конце XIX – 20-х годах XX в.

А.М. КРОТОВ

Анализируются особенности развития этнонационального самосознания белорусов в конце XIX – 20-х гг. XX в. Делается вывод, что первоначальный импульс ему придала борьба России и Польши за преобладание в Беларуси. В рамках этой борьбы сначала поляки, а потом и русские поддержали процесс её этнокультурного возрождения, который в годы Первой мировой войны вышел из-под российского контроля. В 1920-х гг. большевики не только смогли взять контроль над ситуацией в БССР в свои руки, но и возглавили процесс белорусизации, перенаправив его в безопасное для них русло культуры и образования.

Ключевые слова: белорусы, этнонациональное самосознание, менталитет, белорусизация.

The peculiarities of the development of the ethno-national self-consciousness of Belarusians in the late nineteenth century – the twenties of the 20th century – are analyzed. It is concluded that the initial impetus to the development of ethno-national self-consciousness was given by the struggle between Russia and Poland for the predominance of their ideologies in Belarus. As part of this struggle, first the Poles, and then the Russians, supported the process of its ethno-cultural revival, which during the First World War, got out of Russian control. In the 1920's. Bolsheviks not only managed to take control of the situation in the BSSR into their own hands, but also led the process of belarusization, redirecting it to a safe channel for culture and education.

Keywords: Belarusians, ethnonational self-consciousness, mentality, belarusization.

Тот факт, что окружённые близкородственными славянскими народами белорусы долгое время имели большие проблемы по части этнического самоопределения, сегодня в науке споров не вызывает. И русские, и поляки, по большому счёту, смотрели на белорусов как на объект ассимиляции. Не менее категоричными в этом отношении были (и остаются) многие представители украинской национальной идеи. Так, например, Павло Штепа, автор известных в украинском мире трудов «Московство», «Українець і москвин: дві протилежності» в своих рассуждениях об отличиях, существующих между украинцами и русскими, ни разу не упоминает о существовании белорусов как таковых, а белорусские города вовсе называет «украинскими» [1]. Никто из соседей-славян не считал белорусов чужими. Правда и своими тоже не считал. Белорусы являлись объектом воздействия с их стороны – пассивной, управляемой, гуттаперчевой массой.

В XIX в., на очередном витке русско-польского противостояния, сначала поляки, затем русские, стремясь навредить противнику (т. е. друг другу) и ослабить его влияние в Беларуси, стали внушать местному, всё ещё не определившемуся на предмет своей собственной этничности, элементу мысли о его национальной самобытности. Вклад, сделанный поляками в дело белорусского национально-культурного возрождения, является весьма значимым и вряд ли его возможно оспорить. Но истинной их целью было, конечно же, не национально-культурное возрождение Беларуси. В идеале они стремились сохранить за собой Беларусь или, если этого сделать не удастся, хотя бы отколоть белорусов от России.

Российская пропаганда второй половины XIX в. весьма рьяно взялась за искоренение польских влияний в Северо-Западном крае и, не отрицая самобытности этого «во многом отличающегося от остальных русских, русского-же народа – белорусов, потомков древних славянских народов – кривичей и дреговичей» [2, с. 45], сделала многое для пробуждения в среде титульного населения Беларуси белорусского этнического самосознания. Но, как и поляки, русские делали это не ради самих белорусов, а для противодействия «польской каверзе». Насколько успешным оказалось это идеологическое противодействие показало восстание 1863–1864 гг., в ходе которого большинство белорусских крестьян не только не поддержали повстанцев, но и оказывали содействие российским властям в преследовании польских инсургентов [3]. Итак, стараниями поляков и русских, хотя и не белорусофильскими, белорусы

вдруг узнали то, что давно уже подсказывал им их собственный жизненный опыт – что они являются отдельным народом, имеющим свою историю и культуру. В связи с этим сам по себе возникал вопрос о том, почему этот народ не является хозяином своей страны?

Так уж случилось, что к началу процесса белорусского национально-культурного возрождения белорусы не имели собственного этнического автостереотипа – сформированного и идеологически обоснованного взгляда на самих себя. Этническое самосознание их находилось в зачаточном состоянии и проявляло себя только в противопоставлении с представителями других этнических групп, выказывавших в отношении белорусов отчуждённость. Как пишет В. Лобач, в традиционной белорусской (крестьянской) среде механизм самоидентификации срабатывал, прежде всего, в рамках конкретной общины или деревни [4]. В целом можно говорить о том, что белорусское крестьянство испытывало своего рода «комплекс «этнической неполноценности» [5, с. 62].

Но в XIX в. ситуация стала меняться. Сегодня невозможно отрицать тот факт, что внимание представителей белорусской интеллектуальной элиты стало привлекать к себе украинское национально-культурное возрождение, начавшееся в конце XVIII в. Достижения украинцев на этом поприще производили позитивный эффект, вызвали желания им подражать. К примеру, изданная в 1798 г. «Энеида» И.П. Котляревского, которая показала всему миру богатство, мелодичность, выразительность и колоритность украинского языка, его пригодность к чёткому и яркому выражению мыслей на письме, стала объектом подражания, вызвав к жизни белорусскую «Энеиду навыварат», наиболее вероятным автором, которой считается В.П. Ровинский. Желанием подражать, разумеется, дело не ограничивалось – «ветры» с Украины явно не способствовали укоренению в белорусской среде господствовавших в российских общественных и научных кругах представлений о русском народе как широкой этнической общности, состоявшей из великороссов, белорусов и малороссов, и понимавших под «русским языком» все «русские наречия»: великорусское, белорусское и малорусское [6].

Белорусское национально-культурное возрождение стало закономерным результатом долгой и преднамеренной работы польских приверженцев белорускости, а также разбуженных ими и подвигнутых к творчеству на белорусской народной ниве энтузиастов и самородков из числа «тутэйшых», а также российских администраторов «Северо-Западного края», в чьи расчёты, как одно из средств борьбы с польскими влияниями, чудесным для белорусов образом входило умеренное поощрение белорускости.

В рамках этого национально-культурного возрождения в Беларуси начинается процесс формирования белорусского национализма. Скорее всего данное явление надо расценивать как дань моде, ибо никаких предпосылок для него здесь ещё не было. Учитывая реальное состояние этнического самосознания белорусов, о каких шансах развития белорусского национализма, тем более о его перспективах, можно было говорить?

Тем не менее, в ходе Первой мировой войны обстоятельства стали складываться таким образом, что даже у вялого белорусского национального движения появились совершенно неожиданные возможности и перспективы. 21 февраля 1918 г. Исполком Первого Всебелорусского съезда обратился к народам Беларуси с Уставной грамотой, в которой объявил себя временной властью на её территории [7]. 9 марта 1918 г. Исполком принял Вторую Уставную грамоту, в которой объявил Беларусь Белорусской Народной Республикой (БНР). Сам же исполком был переименован в Раду БНР [8]. 25 марта 1918 г. Рада БНР приняла Третью Уставную грамоту, в которой провозглашалась независимость Республики [9].

В немалой степени росту политической активности белорусских политиков в годы Первой мировой войны поспособствовали германские оккупационные власти, которые весьма благосклонно относились ко всему, что было нацелено против России. В то же время политика этих властей была направлена исключительно на соблюдение германских интересов. Немцы вовсе не собирались способствовать созданию белорусского государства в какой-либо из известных на то время форм. Тем не менее, Рада БНР в своей телеграмме, посланной на имя германского императора Вильгельма II, выражала глубокую благодарность за освобождение Беларуси немецкими войсками «з цяжкага ўціску, чужога пануючага зьдзеку і

анархії» [10] и выказывала оптимистическую уверенность, что «толькі пад абаронай Германскай Імпэрыі бачыць край сваю добрую долю у будучыні» [10].

Несмотря на возлагаемые на него надежды, германское руководство отказалось признать независимость БНР. Оно указывало, что препятствием тому является Брестский договор между Германией и РСФСР, которым Германия обязывалась не поддерживать новых государственных образований на территории бывшей России [11].

Стало очевидно, что политическая ситуация развивалась явно не в пользу БНР. Однако судьба её решалась не только ведущими политическими игроками, но и самим белорусским народом, который стоял в стороне от того процесса, в который были задействованы весьма и весьма немногие его представители. Этот народ никогда ничего не решал в своей судьбе и на этот раз тоже не собирался этого делать. Голос первых носителей и популяризаторов национальной идеи не мог быть услышан.

В итоге эксперимент БНР закончился так и не успев толком начаться. Реальное состояние этнического самосознания титульного населения страны не оставляло никаких надежд на исправление ситуации – без проведения в массах соответствующей воспитательной, идеологической работы – и в ближайшей, и в отдалённой перспективе. Как мог белорусский крестьянин, в котором давно уже вытравили чувство хозяина собственной земли, а чувство национального достоинства ещё даже и не зародилось, страстно желать создания белорусского национального государства? Тем более бороться за него, не щадя своей жизни?

Создатели БНР, несмотря на свойственные им иллюзии, понимали насколько не подготовлены были белорусы к решению стоявших перед ними исторических задач. Осознавали, что перед ними был обширный фронт культурно-просветительской и идеологической работы. И начинать надо было с внедрения в сознание масс идеи, что белорусы – отдельный народ, живущий на своей земле, на которой испокон веков жили их предки, у которых их агрессивные и воинственные, а главное – более организованные соседи отобрали право быть её хозяевами.

Не вдаваясь в подробности и оценочные суждения акций, проводившихся в рамках политики белорусизации, предпринятой «незалежниками», следует признать, что на этом поприще за очень короткий период времени последние успели сделать многое. Но проводившаяся ими политика стала свидетельством противоречий, существовавших между их проектом «белорусской идентичности» и реальным состоянием этнического самосознания белорусов.

В начале 20-х гг. XX в. за дело белорусизации взялись большевики. 1 января 1919 г. была провозглашена Советская Социалистическая Республика Белоруссия (в составе Российской СФСР). Причины такого решения народный комиссар по делам национальностей И.В. Сталин, который в партии большевиков ещё с конца 1912 г. считался главным специалистом по национальным проблемам, однако не сообщил, сказав лишь, что ЦК принял решение «по многим соображениям, о которых теперь говорить не приходится, согласиться с белорусскими товарищами на образование Белорусской советской республики» [12]. Понятно, что к такому решению большевиков подталкивали насущные политические обстоятельства. Они же привели к тому, что 31 января 1919 г. ССРБ вышла из состава РСФСР.

Важные решения, оперативно принимаемые большевистским правительством в условиях складывающейся политической конъюнктуры, довольно быстро находили своё отражение и в большевистской идеологии. Тот же Сталин признавал наличие национального вопроса в России и в республиках, с нею связанных: «Хотя при советском режиме... нет уже ни господствующих, ни бесправных наций, ни метрополии, ни колоний, ни эксплуатируемых, ни эксплуататоров, тем не менее национальный вопрос всё же существует... При старом режиме царская власть не старалась и не могла стараться развить государственность на Украине, в Азербайджане, Туркестане и других окраинах, она боролась с развитием государственности на окраинах, так же как и с их культурным развитием, стремясь насильственно ассимилировать местное коренное население» [13, с. 38]. Разумеется, делался вывод, что единственным режимом, способным разрешить национальный вопрос, т. е. режимом, способным создать условия, обеспечивающие мирное сожительство и братское сотрудничество различных наций и племён, является режим Советской власти, режим диктатуры пролетариата [13, с. 38]. Признавал Сталин и то, что положение великорусской нации, являвшейся господствующей, оставило следы своего влияния на «немногочисленных группах русских коммунистов, которые, игнорируя в своей работе особенности быта и культуры на окраинах, иногда уклоняются в сторону русского великодержавного шовинизма» [13, с. 40]. Вместе с тем,

Сталин утверждал, что национальный гнёт, существовавший при царском режиме, сказался и на коммунистах из числа местного населения национальных окраин, которые «не умеют иногда отличить классовые интересы трудовых масс своего народа от так называемых “общенародных” интересов» [13, с. 40]. Он чётко обозначил, что имеет ввиду «уклон в сторону местного национализма, который наблюдался иногда в рядах нерусских коммунистов» [13, с. 40].

10 марта 1921 г., завершая свой доклад на X съезде РКП(б), состоявшемся 8–16 марта 1921 г. в Москве, Сталин сказал: «При Советском федеративном государстве нет больше ни угнетённых наций, ни господствующих, национальный гнёт уничтожен, но, ввиду унаследованного от старого буржуазного порядка фактического неравенства (культурного, хозяйственного, политического) между нациями более культурными и нациями менее культурными, национальный вопрос принимает форму, требующую выработки мероприятий, ведущих к тому, чтобы трудовым массам отсталых наций и народностей облегчить хозяйственное, политическое и культурное преуспеяние, дать им возможность догнать ушедшую вперёд центральную – пролетарскую – Россию» [13, с. 44].

В БССР начинается реализация советского проекта белорусизации, ставившего своей целью внесение таких перемен в этническое самосознание белорусов, которые бы соответствовали идеологическим требованиям советского этнического национализма. В этой кампании участвовали и деятели бывшей БНР, имевшие, как уже выше указывалось, большой опыт белорусизаторской деятельности, в том числе и один из инициаторов создания БНР, председатель Рады БНР Иосиф (Язеп) Лёсик.

А.Ю. Бендин, известный специалист в области исследования белорусско-российских взаимосвязей, национальной идентичности белорусов, межконфессиональных отношений и истории православной церкви, пишет по поводу советского проекта белорусизации следующее: «Коммунистической партии большевиков Белоруссии предстояло в краткий исторический срок сформировать новую коллективную идентичность, то есть титульную нацию советских белорусов. В этой связи административно-командное внедрение белорусского языка в сферу образования, культуры, науки, делопроизводства и пропаганды рассматривалось коммунистами как неотъемлемый элемент советского национального строительства. Русская идентичность населения, связанная с православной традицией и русским языком, должна была уйти в прошлое как исторический пережиток российского «русификаторства» [6].

Большевицкая белорусизация началась по-революционному решительно. Разумеется, она не должна была затрагивать и не затрагивала основ белорусской советской государственности. Не шла речь и о белорусской «национальной идее». Всё свелось к развитию белорусской советской культуры и искусства, развитию белорусского языка и внедрению его в широкий официальный обиход.

Что касается области белорусской литературы и искусства, то следует отметить, что здесь проводился в жизнь принцип социалистического реализма, согласно которому советский человек стал показываться как творец и хозяин новой жизни, и отражались преимущественно события строительства нового общества.

Белорусский язык, как было сказано в одной из статей того времени, стал «злойбой дня» [14]. Работа велась масштабно, с задействованием всех партийных и государственных ресурсов, с переводом на него всего документооборота вплоть до армейского устава. Это вызвало неоднозначную реакцию в обществе. Внешне всё выглядело вполне благополучно – большевицкая партия и советская власть определили курс, вызвав воодушевление народных масс, страдавших прежде от русификаторских и полонизаторских влияний. Теперь надо было ждать только победных реляций...

Однако на деле было всё иначе. Рьяное выполнение партийными и советскими работниками полученных указаний традиционалистски настроенным населением не могло быть встречено с пониманием, на которое власть рассчитывала. В уведомление информационно-статистического подотдела ЦК КП(б) об отношении населения к белорусизации в Слуцком округе (22–23 апреля 1926 г.), например, сказано: «Отношение к белорусскому языку всех групп населения Слуцкого округа в общем доброжелательное. Язык начинает прививаться и крестьянство говорит: «Если уже власть заговорила с нами на нашем языке, то [это] будет к добру». Однако в отношении к языку имеется и много отрицательных моментов. Главным образом в связи с литературной терминологией, которая крестьянству не понятна. Почти на всех перевыборных собраниях население требовало разъяснения наказа на русском языке. В

дер. Рудное Копыльского района на собрании крестьян было вынесено постановление: «Ликвидировать белорусский язык и потребовать от власти быстрого его уничтожения» [15].

От подобных примеров отдельные авторы переходили к обобщениям: «Язык белорусский стал злобой дня в Белоруссии... Казалось бы, что раз вводится в крае язык белорусский, то населению остается только радоваться – «благодарить и кланяться». А тут как раз наоборот: население на 75–80 % выражает свой громкий протест против своего языка, чтобы его не вводить в жизнь, в учреждения, в школы, чтобы его изъять из употребления... И получилось у нас два враждебных лагеря; с одной стороны – правящие сферы, навязывающие язык населению, а с другой – белорусы, не принимающие в обиход свой язык... Когда впервые здесь насильно, т. е. без всякого плебисцита, стали вводить в школы, в учреждения белорусский язык, то население отнеслось к этой реформе настолько отрицательно, что в деревнях стали раздаваться такие голоса: «Сначала к нам пришли немцы, потом поляки, а теперь идут на нас... белорусы...». Т. е. население стало считать белорусизаторов своими... врагами» [14].

Но, как известно, в конце 1920-х–1930-х гг. советская власть отказалась от белорусизации. Тех деятелей культуры, которые приняли активное участие в её проведении, обвинили в «национал-демократизме» («нацдемовщине»), под которым понималась будто бы враждебная советской власти деятельность с целью восстановления капиталистического строя в Беларуси. Летом 1930 г. по обвинению в «нацдемовщине» было арестовано 108 виднейших деятелей национальной науки и культуры, в их числе академики В. Ластовский, И. Лесик, С. Некрашевич, профессор А. Смолич, нарком земледелия Д. Прищепов, нарком просвещения А. Балицкий, писатели М. Горецкий, Я. Пуца и др. В 1931 г. ряд деятелей культуры были осуждены за принадлежность к «Союзу освобождения Беларуси» – организации, которой в действительности никогда не существовало. В их числе были почти все ведущие языковеды. Их научные труды были признаны «вредительскими», обширные картотеки белорусского языка были изъяты, пользоваться ими было запрещено. На роль её руководителя был «назначен» Янка Купала, который после очередного допроса совершил попытку самоубийства. Обвинения в принадлежности к этой организации были предъявлены и Якубу Коласу. В ходе допросов в ОГПУ по т. н. делу «Союза освобождения Белоруссии» 4 февраля 1931 г. застрелился В.М. Игнатовский. Большинство арестованных были осуждены на различные сроки заключения.

В мае–сентябре 1931 г. были исполнены приговоры и по другим «разработанным» и «вскрытым» ГПУ контрреволюционно-вредительским организациям. Классики белорусской литературы – Янка Купала и Якуб Колас – были раздавлены большевистским воспитательным режимом.

Было репрессировано 26 академиков и 6 членов-корреспондентов Академии наук, большое количество рядовых учёных, преподавателей вузов, более 100 писателей. Поступательный процесс роста белорусской культуры был прерван, возобладал жёсткий идеологический контроль, началась русификация всей жизни БССР.

Противоречивость в развитии культуры Беларуси проявилась в политике ограничения белорусского языка. Правила произношения и правописания, закреплённые в начале XX в. учебником белорусской грамматики Бронислава Тарашкевича (1918 г.), были заменены новыми, которые должны были «отдалить» белорусский язык от польского и «приблизить» его к единому русскому образцу. Подогнанный под эти новые правила белорусский язык получил название «наркомовка» [16].

Однако и принудительная белорусизация, проводившаяся под контролем партийных органов и чекистов, и развернувшаяся затем борьба с нацдемовщиной, так или иначе привлекали внимание белорусов к проблемам их языка и культуры, внушая осознание того, что они являются собой отдельный народ. Тем самым и белорусизацию, и борьбу с нацдемовщиной можно считать факторами, стимулировавшими развитие национального самосознания белорусов.

Итак, всё происходившее с белорусами, белорусским языком и белорусской культурой в конце XIX – 20-х гг. XX в. было закономерной реакцией внешних сил, заинтересованных в сохранении своего господствующего влияния в Беларуси, на естественные изменения, которые происходили в жизни её коренного населения. Белорусы, наконец, стали осознавать свою этническую уникальность, ощущать свою принадлежность именно к белорусской этнической общности, а не какой-либо иной, что грозило при дальнейшем успешном развитии этнонациональных тенденций нежелательными политическими последствиями. Взросление белорусского этноса, вступление его в новую фазу своего развития приводило к изменениям в

мировосприятию белорусов, порождая в них понимание того, что сами по себе они являют определённую проблему для тех, кто ими руководит. Белорусский этнонационализм, рождение которого было скорее данью моде и велениям бурного времени, нежели результатом развития освободительных и национальных устремлений белорусов, не имел серьёзной опоры в массах и вряд ли мог рассчитывать на успех – разве что в неких тепличных условиях. Тем не менее, сам факт его появления знаменовал собой новую веху в жизни белорусского народа. Сами белорусы, по крайней мере подавляющее их большинство, этот переход не ощутили. Однако внешний мир на него отреагировал оперативно – появление БССР и начало белорусского советского строительства стало попыткой большевистской партии возглавить процесс дальнейшего этнополитического развития белорусского народа и направить его в безопасное для российских большевиков – интернационалистов с имперским мышлением – русло.

Литература

1. Штепа, П. Українець і москвін: дві протилежності / П. Штепа. – Дрогобич : Видовничя фірма «Відродження», 2010. – 687 с.
2. Народы России. Живописный альбом. – Спб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1877. – 572 с.
3. Кротов, А.М. Реакция белорусского обывателя на польское национально-освободительное движение на белорусских землях в XIX веке / А.М. Кротов // Беларусь у XIX–XXI стагоддзях : праблемы этнакультурнага і нацыянальна-дзяржаўнага развіцця : зб. навук. арт. – Гомель : ГДУ ім. Ф.Скарыны, 2013. – С. 17–26.
4. Лобач, В. Восточный сосед. Образ русского в белорусской традиционной культуре [Электронный ресурс] / В. Лобач, Ю. Борисёнок // Родина. – 2002. – № 7. – Режим доступа : <http://www.wirade.ru/cgi-in/wirade/YaBB.pl?board=krievs;action=display;num=1084573414;start=0#0>. – Дата доступа : 23.02.2013.
5. Чернявская, Ю. Белорусы. От «тутэйшых» – к нации / Ю. Чернявская. – Минск, 2010. – 512 с.
6. Бендин, А. «Белорусская национальная идея» в свете исторической критики [Электронный ресурс] / А. Бендин. – Ч. II. – Режим доступа : <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/1119-beloruskaya-natsionalnaya-ideya-v-svete-istoricheskoy-kritiki-chast-ii.html>. – Дата доступа : 19.11.2016.
7. Першая устаўная грамата да народаў Беларусі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://pawet.net/library/history/bel_history/_books/bcrsb/Дакуманты_і_матар'ялы_сабраныя_..._для_друку_камісіяй_Беларускай_Цэнтральнай_Рады.html#10. – Дата доступу : 14.12.2016.
8. Другая Устаўная грамата [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://pawet.net/library/history/bel_history/_books/bcrsb/Дакуманты_і_матар'ялы_сабраныя_..._для_друку_камісіяй_Беларускай_Цэнтральнай_Рады.html#10. – Дата доступу : 14.12.2016.
9. Трэцяя Устаўная грамата [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://pawet.net/library/history/bel_history/_books/bcrsb/Дакуманты_і_матар'ялы_сабраныя_..._для_друку_камісіяй_Беларускай_Цэнтральнай_Рады.html#10. – Дата доступу : 14.12.2016.
10. Тэлеграма нямецкаму імператару Вільгельму II выслана Радой БНР дня 25 красавіка 1918 г. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://pawet.net/library/history/bel_history/_books/bcrsb/Дакуманты_і_матар'ялы_сабраныя_..._для_друку_камісіяй_Беларускай_Цэнтральнай_Рады.html#10. – Дата доступу : 14.12.2016.
11. Господину Германскому Имперскому Канцлеру [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://pawet.net/library/history/bel_history/_books/bcrsb/Дакуманты_і_матар'ялы_сабраныя_..._для_друку_камісіяй_Беларускай_Цэнтральнай_Рады.html#10. – Дата доступу : 14.12.2016.
12. Запись разговора по прямому проводу И.В. Сталина с председателем Северо-западного областного комитета РКП(б) А.Ф. Мясниковым о государственном строительстве Белоруссии (25 декабря 1918 г.) // Беларусь паміж Усходам і Захадам : станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.) / У.Ф. Ладысеў, П.І. Брыгадзін. – Мн. : БДУ, 2003. – С. 265–266.
13. Сталин, И.В. Доклад об очередных задачах партии и национальном вопросе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. / И.В. Сталин // Сочинения : в 13 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1952. – Т. 5 (1921–1923). – С. 33–44.
14. Артыкул «Имеет ли белорусский народ свой язык и свою культуру?» (16 мая 1926 г.) // Беларусізацыя. 1920-я гады : дакументы і матэрыялы. / У.К. Коршук, Р.П. Платонаў, І.Ф. Раманоўскі, Я.С. Фалей. – Мн. : БДУ, 2001. – 270 с.
15. Паведамлення інфармацыйна-статыстычнага паддзела ЦК КП(б)Б аб адносінах насельніцтва да беларусізацыі ў Слуцкай акрузе // Беларусізацыя. 1920-я гады : дакументы і матэрыялы / У.К. Коршук, Р.П. Платонаў, І.Ф. Раманоўскі, Я.С. Фалей. – Мн. : БДУ, 2001. – 270 с.
16. Прокопчук, А. Язык мой – враг мой (размышления об исторической судьбе белорусского языка) [Электронный ресурс] / А. Прокопчук. – Режим доступа : <http://jivebelarus.net/publicism/my-tongue-my-enemy.html>. – Дата доступа : 13.11.2016.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 27.01.2018

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ